

Научная статья
УДК 281
doi: 10.17223/2312461X/38/4

Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг.

Александр Анатольевич Пригарин¹
Алена Александровна Стороженко²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия*

¹ *prigarin.alexand@gmail.com*

² *alstorozhenko@yandex.ru*

Аннотация. Проанализирован процесс складывания конфессионального сообщества часовенных старообрядцев в 1920–1950-х гг. на территории Енисейского района Красноярского края. Выявлены особенности демографического и конфессионального состава сибирских старообрядческих общин как частей единой сети старообрядческих миграций, которые отличаются преемственностью своего социального состава – преимущественно крестьяне-единоличники. На основе цифрового анализа массовых статистических источников – похозяйственных книг выявлено, что Пермский край в первой половине XX в. продолжал быть традиционным местом выхода для сибирских староверов часовенного согласия. Сделан вывод о том, что конфессиональный вектор как самой миграции, так и обустройства и жизнедеятельности был стержневым, факторным для воспроизводства специфической конфессиональной «сети» сибирских старообрядческих общин.

Ключевые слова: старообрядчество, сетевое сообщество, конфессиональная сеть, похозяйственные книги, Сибирь, староверы-часовенные, конфессиональная миграция, цифровые методы

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции как фактор социальной трансформации регионов СССР в период послевоенного восстановления: анализ средствами digital humanities»). Авторы выражают глубокую благодарность и признательность доктору исторических наук, профессору НИУ ВШЭ-Пермь Сергею Ивановичу Корниенко за высокопрофессиональные консультации и помощь в проектировании и разработке базы данных, идеи и исследовательских задач, поддержку и личное участие.

Для цитирования: Пригарин А.А., Стороженко А.А. Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 54–76. doi: 10.17223/2312461X/38/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/38/4

Traditional Variants of Network Communities in the Pre-Digital Era: Old Believers-chapelites of Siberia According to Household Books of the 1920s-1950s

Alexander A. Prigarin¹, Alyona A. Storozhenko²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation

¹ prigarin.alexand@gmail.com

² alstorozhenko@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the process of the formation of the confessional community of the chapelite Old Believers in the 1920s-1950s on the territory of the Yenisei district of the Krasnoyarsk Krai. The features of the demographic and confessional composition of Siberian Old Believer communities as parts of a single network of Old Believer migrations, which differ in the continuity of their social composition – mainly individual peasants, are revealed. Based on the digital analysis of mass statistical sources – household books, it was revealed that the Perm Krai in the first half of the XX century continued to be a traditional exit point for Siberian chapelite Old Believers. The authors came to the conclusion that the confessional vector of both migration itself and the arrangement and life activity was pivotal, factorial for the reproduction of a specific confessional “network” of Siberian Old Believer communities.

Keywords: Old Believers, network community, confessional network, household books, Siberia, Old Believers-chapelites, confessional migration, digital methods

Acknowledgements: The publication was prepared with the financial support of the Higher School of Economics (the project “Migration as a Factor of Social Transformation of the Regions of the USSR during the Post-war Recovery: Analysis by Means of Digital Humanities”). The authors express their deep gratitude and appreciation to Sergey Ivanovich Kornienko, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Higher School of Economics-Perm, for highly professional advice and assistance in the design and development of the database, ideas and research tasks, support and personal participation.

For citation: Prigarin, A.A. & Storozhenko, A.A. (2022) Traditional Variants of Network Communities in the Pre-Digital Era: Old Believers-chapelites of Siberia According to Household Books of the 1920s-1950s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 54–76 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/38/4

Введение

Территория современного Пермского края, наряду с соседними регионами – Вяткой, Уралом и Поволжьем, исторически являлась традиционным местом выхода для сибирских староверов разных согласий. Наименее изученными в этом отношении являются периоды коллективи-

зации сельского хозяйства, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенного восстановления. Огромный массив архивных документов еще только предстоит ввести в научный оборот, вооружившись актуальными исследовательскими инструментариями «цифровой истории».

Основой конфессионального пространства старообрядцев часовенного согласия и во многом русского населения в Сибири является сложная по структуре поселенческая сеть. Освоение обширного региона сопровождалось адаптацией переселенцев из европейской части России к новой для них обстановке. В районах Сибири с разными ландшафтными, природно-климатическими и этнокультурными условиями она различалась темпами, формами, использованием разнообразных адаптационных механизмов. Характер освоения окружающей среды в немалой степени зависел от численности и плотности расселения русских, а также от их способности (при прямой и нередко активной поддержке государства) приспосабливать под эту среду свои политические, социальные, экономические и культурные запросы (Сибирь и Русский Север... 2014).

Подобный тип размещения населения, где наличествуют стохастические для внешнего наблюдателя «узлы» различной направленности, принято называть *кустовым*. Говоря современным языком, мы бы назвали его *сетевым*. При этом конфессиональный вектор как самой миграции, так и обустройства и жизнедеятельности становится стержневым, факторным для воспроизводства подобной специфической «сети». В ней в зависимости от внутренних рефлексий и внешних вызовов возможно произвольное перемещение как информационных потоков, так и их носителей – человеческого ресурса.

Подобные приемы сетевого анализа убедительно применялись в отношении турецких кочевников (White, Johansen 2005). Этот исследовательский опыт показывает возможные схемы моделирования социальных структур в условиях миграций как жизненных стратегий. В нашем случае и «традиционный» характер старообрядческих сообществ, и перманентность географических перемещений совпадает с «турецким примером». В силу этого считаем удачным заимствовать инструментарий подготовки, обработки и интерпретации «базы данных». Спецификой нашего метода является сфокусированность не столько на персонально-генеалогических аспектах, сколько на групповых практиках переселений и трансмиссии социальных институций (родов и семей). Конфессиональный характер перемещения людского ресурса (от географического масштаба до мотивированности «исхода») явно менее прагматичный, нежели хозяйственно-экономический.

В российской науке сетевой анализ применительно к миграционным процессам начали использовать Л.И. Бородкин и С.В. Максимов (Бородкин, Максимов 1993; Бородкин 2016). По материалам Всесоюзной

переписи населения 1926 г. ими была построена укрупненная пространственная сеть миграций всех 29 регионов страны. При этом сибирское направление было преобладающим, исследователи отмечали, что «крупнейший, объединяющий большую часть территорий европейской части России Центральный макрорайон отличает выраженная миграционная ориентация на Сибирь (в среднем 45,4% для каждого района этой группы)» (Бородкин 2016: 219). Применение технологии сетевого анализа позволяет уточнить направления, объемы и динамику конфессиональной миграции старообрядцев на макроисторическом уровне и в дальнейшем проследить процесс складывания конфессиональных центров.

Старообрядцы как этнокультурная группа, существование которой определялось множеством разнообразных факторов (постоянные преследования со стороны государства и официальной церкви, необходимость сохранения своих традиций и образа жизни), обладали повышенным миграционным потенциалом. В годы коллективизации духовный лидер староверов часовенного согласия о. Симеон (Лаптев) убедительно обосновал пагубность для старовера «любезного приема артелей союзных»¹. Он писал: *«Мы должны с ней бороться и, как можно, ее разрушать. А мы, напротив, даем ей денег, чрез которые она более возрастает. Ведь ясно, что артели устроены через умысление дьявола и служат в его пользу»* (Лаптев 1999: 165–169). Необходимость работать в праздничные и воскресные дни, состоять на учете, т.е. «в записи», неизбежное общение с еретиками останавливали староверов от вступления в любые кооперативные объединения. И эта система запретов работала порой лучше, чем давление и угрозы со стороны государственных институтов, и, в том числе, заставляла староверов Прикамья переселяться в Сибирь и другие места.

1920–1930-е гг. были выбраны нами для анализа как наиболее насыщенный хронологический период, позволяющий наилучшим образом проследить общую динамику миграции конфессиональной группы под влиянием социально-экономических и общественно-политических факторов. Революционные потрясения, гражданское противостояние, голод 1920-х, коллективизация сельского хозяйства, политические репрессии 1930-х, в том числе в отношении верующей части советского общества – все это серьезно повлияло на миграционную активность староверов. Они стремятся избежать вступления в колхозы («союзы» на конфессиональном языке) и, спасаясь от религиозных преследований, начинают массово выезжать из европейской части страны за Урал. В связи с этим серьезно меняется социокультурное поле Сибири, ее конфессиональная структура. В первой половине 1940-х гг. формируется новое конфессиональное пространство – старообрядческие скиты часовенного и титовского согласий, разбросанные на огромной терри-

тории бывшего Сибирского края – Томской и Кемеровской областей, Алтайского и Красноярского краев, Тувы. Бассейны левого притока Енисея р. Дубчес со впадающими в него речками, а также р. Сым, р. Кеть, р. Чулым становятся местом нового размещения старообрядческих монастырей, тесно связанных родственными и конфессиональными нитями с многочисленными мирскими заимками, деревнями и факториями.

Ученым новосибирской исторической школы принадлежит честь актуального систематического изучения староверческих сообществ (Покровский, Зольникова 2002) и формулирования проблем, связанных с переселенческими процессами (Сибирь и Русский Север... 2014). Благодаря их археографическому поиску в распоряжении исследователей оказались уникальные сочинения старообрядцев часовенного согласия, опубликованные в трехтомном фундаментальном труде «Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии» (Урало-Сибирский патерик 2014). Патерик не только содержит подробные сведения об истории и переселении староверов часовенного согласия, но и помогает прояснить особенности формирования и развития дуальной связки «скит-деревня» как самоорганизующейся социокультурной системы (Дутчак 2006, 2007). В этом же издании помещена статья Н.Д. Зольниковой «Авторы Урало-Сибирского патерика» (Зольникова 2014). В настоящее время это единственное в своем роде цельное и полное изложение персональных биографий лидеров, инициировавших и организовавших переселение староверов на новые территории.

Эвристически ценным этот источник является не только в традиционном ключе нарративной истории, но и в свете заявленных нами исследовательских задач. Он убедительно показывает географическое перенесение сетевого сообщества из Приуралья в Сибирь, постепенное смещение информационных узлов в восточном направлении. При полнейшей сознательной преемственности часовенного сообщества можно понять нюансы формирования не только новых пространственных ареалов, но и новых оригинальных смыслов. Безусловно, описание людских судеб (*«Патерик...» и подобные нарративные источники*) помогает понять природу и причины старообрядческих переселений в относительно недавнем прошлом.

В своем исследовании мы бы хотели обратить внимание на повседневность сообщества, факторы воспроизводства населения, освоения «географии» и создания «новой топографии». В ходе переселений с конца XIX и до середины XX столетия произошло перемещение значительного по численности старообрядческого сообщества из Прикамья в Западную, а затем и в Восточную Сибирь. Этот сюжет, с опорой на архивные материалы (Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 149), рассматривался ранее в научной литературе

(Приль 2001, 2002). Однако имевшиеся в распоряжении Л.Н. Приль материалы позволяют лишь приблизительно оценить масштабы миграционной активности часовенных староверов, проживавших в так называемом Заимочном районе² Томской области во второй четверти XX в. В частности, автор пишет, что «за лето 1929 г. на трех заимках население сменилось полностью... и за 2–5 лет меняется полностью» (Приль 2002: 252). Получается, что староверы не задерживались в томской тайге и уходили далее на восток, в том числе на территорию современного Енисейского района Красноярского края. Таким образом, этот район играл важную транзитную роль в конфессиональном пространстве старообрядцев часовенного согласия и поэтому был выбран нами для анализа. Обнаруженные авторами в ходе полевых экспедиций 2018 и 2019 гг. в этот район материалы позволили дополнить информацию из других источников и полнее реконструировать направления миграционных маршрутов.

Важным моментом в понимании объемов миграционной активности является уточнение численности переселенцев, определение религиозного состава которых затрудняется отсутствием в статистических документах советского времени графы «вероисповедание». Кроме того, стремление староверов скрываться от властей, уклоняться от всевозможных «записей» существенно сужает круг данных официальной статистики. В этих условиях целесообразно применять более эффективные приемы количественного анализа уже известных источников, прежде всего таких массовых, как похозяйственные книги, и других материалов первичного учета – списков населения, отчетов о движении населения по районам на уровне сельсоветов. Опубликованные источники генеалогического происхождения старообрядческих фамилий и кланов применительно к данному сообществу нам неизвестны, хотя в ходе пофамильного сопоставления похозяйственных книг было выделено несколько мегакланов, состоящих из трех и более семей.

Источниковедческий потенциал похозяйственных книг как уникального источника, позволяющего в целом охарактеризовать особенности демографических, миграционных процессов, трансформации структуры и функций семей, рассмотрен в работах О.В. Мазур, О.В. Горбачева, Е.М. Скворцовой, А.И. Ганчева (Скворцова 1985; Мазур, Горбачев 2018; Ганчев 2020) и других авторов. Применительно к изучению конфессиональной миграции подобного рода источники ранее не привлекались в связи с отсутствием указания на вероисповедную принадлежность в большинстве из них. Поэтому мы сочли необходимым обратиться к массовому формулярному материалу, а именно похозяйственным книгам сельсоветов (1933, 1940–1942), отложившихся в фондах Енисейского районного архива, а также частично в фондах непосредственно самих современных сельсоветов – Луговатского и Сымского

(последние в настоящей работе иногда привлекались для уточнения родовой принадлежности переселенца) (рис. 1). Именно на территории этих сельсоветов располагался основной массив транзитных пунктов в маршрутах конфессиональных мигрантов.

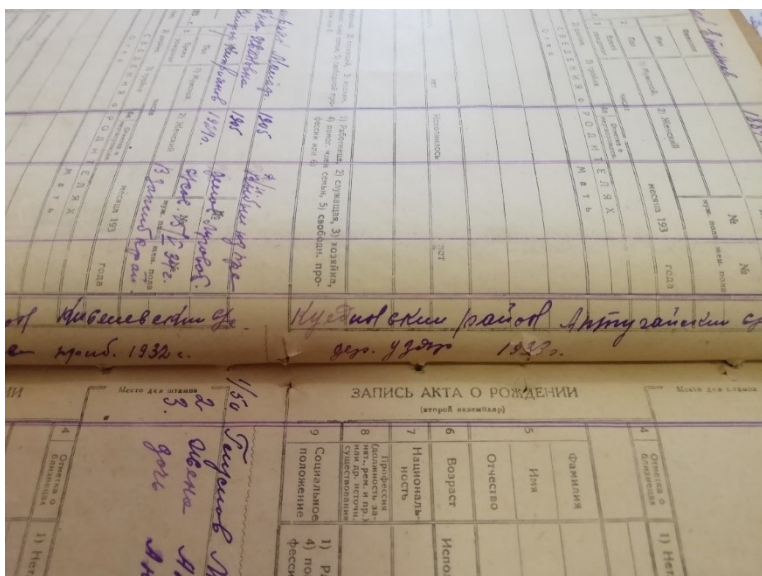

Рис. 1. Фото архивного дела. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31 «Похозяйственная книга (посемейный список). 1933 г., 1940–1942 гг.», 97 л.

Имеющиеся в распоряжении архивные материалы и опубликованные биографические списки позволили систематизировать материал в виде источник-ориентированной базы данных «Конфессиональные миграции старообрядцев» (далее – БД «КМС»), создание которой не просто его упорядочивает, но и позволяет делать более глубокие обобщения (рис. 2). Послужившее основным источником для создания базы данных архивное дело не содержит утвержденного формуляра и является полностью рукописным (Енисейский районный архив 1933, 1940–1942). По сути, это подробные посемейные списки жителей по населенным пунктам Луговатского сельсовета 1930–1940-х гг. с детальными указаниями не только пофамильного состава, но и пола, возраста, семейного статуса, места предыдущего жительства переселенцев, иногда и даты выбытия. Подобная структура источника дает возможность реконструировать направления и оценить масштабы миграций населения в Сибирь в середине XX в., т.е. на этапе формирования конфессиональной «сети». Репрезентативность данным придает указание на места выхода переселенцев. При этом соответствующие графы в формулярах похозяйственных книг имеются не всегда.

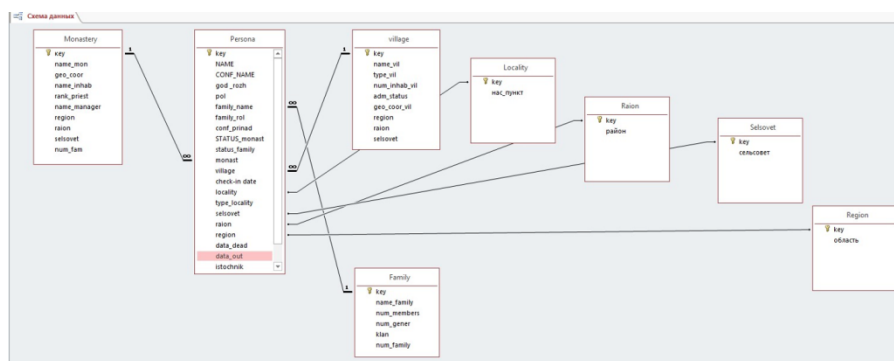

Рис. 2. Схема базы данных «Конфессиональная миграция старообрядцев»

Моделирование стало возможным посредством организации данных массовых статистических источников и опубликованных документов на базе системы управления базами данных (СУБД) «Access». Настоящая электронная база данных является документально-ориентированной и сформирована она преимущественно на одном виде источников. База содержит сведения о более чем полутора тысячах старообрядцев, переселившихся в период с 1920 по 1945 г. с территории преимущественно южных районов современного Пермского края, а также соседних уральских и сибирских областей – Томской, Новосибирской, других районов Красноярского края на территорию Луговатского сельсовета Енисейского района Красноярского края. Пофамильный (посемейный) список содержит сведения о половозрастном составе конфессиональных мигрантов, семейном положении и религиозном статусе (сане) (рис. 3). База также содержит сведения о местах выхода переселенцев и местах вселения, даты въезда. Стоит отметить, что настоящая БД создавалась для информационного обеспечения исторического моделирования процессов переселения старообрядцев Пермско-Вятского Прикамья/Молотовской области в Сибирь во второй четверти XX в.

Структурированный в ходе интеллектуального анализа источников в несколько связанных таблиц массив данных был статистически проанализирован посредством системы запросов о количественном и списочном составе переселенцев, распределения их по населенным пунктам, сельсоветам, районам, регионам. Были выявлены статистически значимые периоды переселенческой активности, визуализированные в гистограммы. Подобное моделирование строилось по алгоритму: из базы данных автоматически выбиралась насыщенность взаимосвязей между хронологическими отрезками, именным составом и топографическими пунктами. Структуру такого анализа раскрывают рис. 3–6.

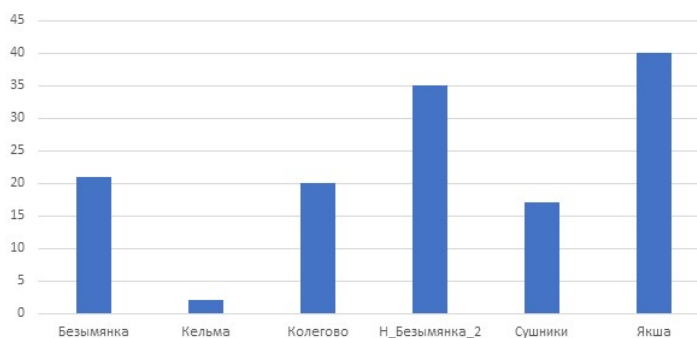

Рис. 3. Количество переселенцев старообрядцев
Луговатского сельсовета Енисейского района Красноярского края в 1920–1931 гг.
Подсчитано по: Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31. 97 л.

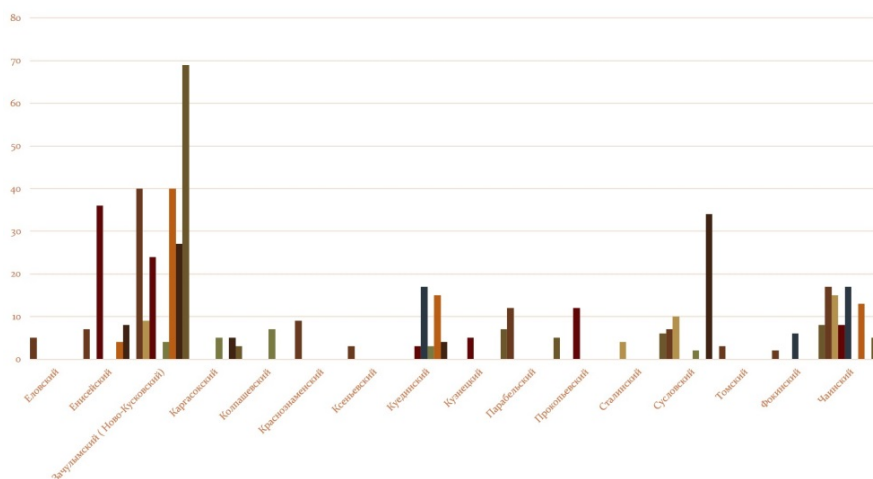

Рис. 4. Районы выхода переселенцев старообрядцев Луговатского сельсовета
Енисейского района Красноярского края с 1926 по 1930 г.
Подсчитано по: Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31. 97 л.

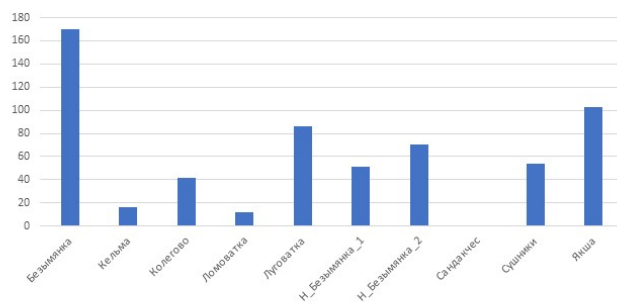

Рис. 5. Распределение переселенцев старообрядцев Луговатского сельсовета
Енисейского района Красноярского края с 1931 по 1935 г.
Подсчитано по: Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31. 97 л.

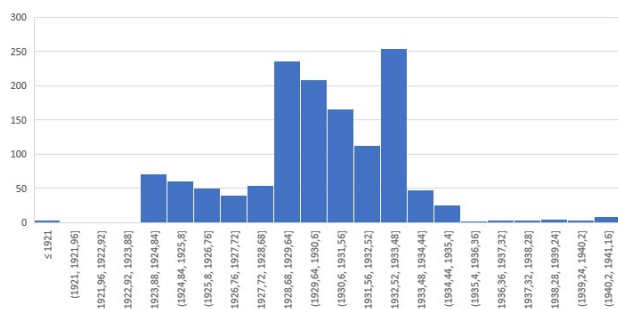

Рис. 6. Динамика миграционной активности старообрядцев
Луговатского сельсовета Енисейского района Красноярского края в 1920–1940-е гг.
Подсчитано по: Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31. 97 л.

Многоуровневый анализ полученного массива данных позволил выделить наиболее значимые переселенческие маршруты, оценить их объемы и пофамильный состав как отдельных кланов, так и семейно-родственных корпораций. Также были тщательно выверены сведения об актуальных административных статусах и подчиненности сельсоветов отдельных населенных пунктов Пермского края, Томской области и Красноярского края, особенно в случаях их неоднократного переименования. Основной опорной точкой в отнесении того или иного населенного пункта к сельсовету/району/региону являлась датировка времени переселения, записанная со слов переселенца. Учитывая плотность дат событий (иногда не более полугода) по переименованию и переподчинению административных образований, за основу были взяты сведения из «Списка населенных мест Сибирского края» (Список населенных мест Сибирского края 1929), перепроверенные по другим открытым источникам, преимущественно архивным и историческим справкам, размещенным на официальных сайтах районных архивов.

Обработка базы данных вполне укладывается в рамки современной «клиометрики», которая направлена на количественный подход к реконструкциям исторических процессов. В подобных случаях локальность выступает синонимом предметности, а также позволяет детализировать научные знания о фактичности истории населения. Именно технологическое переоснащение ученого позволяет, на наш взгляд, по-новому не столько анализировать конкретный материал, но и разрабатывать методологические вопросы историописания.

Дальнейший сопоставительный анализ с материалами Урало-Сибирского патерика позволил уточнить долю собственно старообрядческого населения в потоке переселенцев в указанный период и сосредоточиться на конфессиональном аспекте массовых крестьянских миграций, в том числе вынужденных и нелегальных, и отойти от линейно-поступательных схем описания механического перемещения населения,

выдвинув процессуальную концепцию конфессиональных миграций. Такой подход также подкрепляет обоснованность выводов о мотивах и подоплеке, причинах большинства исторических событий, связанных с перемещением конфессионального сообщества, адаптации, обеспечения и воспроизводства хозяйственных и религиозных практик.

Сложение конфессионального пространства старообрядцев в Сибири в первой половине XX в.

Старообрядцы, населявшие бассейн Енисея, были неоднородны по конфессиональному составу. Среди сибирских старообрядцев – выходцев из Пермско-Вятского Прикамья преобладало часовенное согласие, но были также общины поповского направления (белокриницкие, новозыбковские), а также поморцы, титовцы и др. Их объединяли приверженность к «старой вере» и во многом общая историческая судьба, но разделяли локальные религиозные традиции. Так, часовенные и титовцы окончательно отделились друг от друга уже в Томской области. В дальнейшем крупнейшие пермские семейные кланы титовцев – Килины, Сидоркины, Головкины, Вахрушевы и другие – обосновались в бассейне Сыма, который оставался транзитным районом при перемещении часовенных скитских центров на север Красноярского края (Пригарин, Стороженко, Татаринцева 2020).

Из Пермского края в Сибирь староверы переселялись несколькими путями. Давно разведанным маршрутом еще с XIX в. был путь через Урал в Томскую губернию. Поскольку до революции 1917 г. это была гигантская территория, включавшая в себя современный Алтайский край, Новосибирскую, Кемеровскую и Томскую области, то большая часть современной Западной Сибири была местом их расселения.

Процесс создания сети старообрядческих поселений на территории современного Красноярского края, сопредельной с современной Томской областью, можно представить следующим образом. На первом этапе, условно с конца XIX в. и до начала 1920-х гг., формируется первый массив населенных пунктов по преимуществу из выходцев с территории современного Пермского края в северо-восточных и восточных районах нынешней Томской области и вдоль Обь-Енисейского канала. С конца второго десятилетия XX в. отсюда начинается активное их переселение в Енисейский район Красноярского края. В начале 1930-х гг. на берегах рек Безымянка и Кас возникло не менее 20 заимок и деревень, в 1933 г. они были объединены в административно-территориальное образование – Луговатский сельсовет. Именно в этот период возникает устойчивый слой оседлой поселенческой структуры – заимок и деревень, основанных выходцами из Пермской/Молотовской области, в нескольких районах Томской области и Красноярского края.

Это подтверждается статистическим анализом вышеупомянутой БД «КМС», который показал, что старообрядцы Куединского, Осинского, Еловского и других районов южной части современного Пермского края в 1920–1930-е гг. переселялись первоначально на территорию современной Томской области, в частности в междуречье рек Улу-Юла и Чичка-Юла. Этот район был своеобразным плацдармом для дальнейшего миграционного броска в район бассейна «енисейского меридиана» – Енисейский район Красноярского края и далее – в Хакасию и Туву. В ходе этого переселения сформировались новые конфессиональные общины, ставшие впоследствии социальной основой для Дубчесских скитов в середине XX столетия. Выявление этих этапов выстраивалось автоматическими подсчетами по типологическим признакам: территория исхода – промежуточные пункты – конечные районы пребывания.

В 1920–1930-е гг. переселения имели вынужденные мотивы и были связаны со стремлением староверов уйти от насильственной коллективизации, обмирщения, нежелания отдавать детей в советские школы. Социальный состав переселенцев был представлен единоличниками, которые и на новом месте старательно избегали «записи в союзы», т.е. в колхозы и любые другие формы общественного хозяйствования, как было указано выше.

Обь-Енисейский канал был наиболее удобной логистической артерией для староверов на начальном этапе, но основательно селиться вдоль него они в тот период не стремились, это было с их точки зрения «широкое» место, известное многим (Стороженко 2019: 6–7). Поэтому они прошли дальше и стали осваивать территории современного Луговатского и Сымского сельсоветов.

Позднее, в военное и послевоенное время, переселения были связаны с поисками лучших условий хозяйствования, стремлением уйти от государственного надзора и контроля, избежать обмирщения. Отличительной чертой этого периода становится переселение к одноверцам, уже устроившимся здесь ранее. К этому моменту в бассейне «енисейского меридиана» уже сложилась прочная сеть мирских (заимок и деревень) и конфессиональных поселений (скитов и монастырей). Это позволяло пермякам мигрировать на большие расстояния и на новом месте получать помощь и поддержку единоверцев.

Старообрядцы переселялись большими семейно-родственными коллективами, поддерживая друг друга в течение всего процесса. Сложных по составу семей, согласно упомянутой базе данных, почти не встречается, большинство семей состояли из двух поколений «родители–дети», что говорит о подверженности старообрядческой среды тем же процессам, которые этнографы и демографы отмечают в отношении остального сельского населения Советской России. Материалы БД «КМС» позволили выявить родовые кооперации метауровня по отношению к нукле-

арным семьям – кланы. Всего в выборку вошло 118 фамилий переселенцев, при этом 43 из них нами отнесены к наиболее крупным в силу нахождения их удельного веса в корпусе базы данных 0,8% и более. Наиболее многочисленными из них являлись Горбуновы, Килины, Коровины, Кустовы, Мерзлековы, Соломенниковы, Стариковы (рис. 7).

Особо выделяется один клан – Голублевы, Коровины, Котовы, Мерзлековы, Соломенниковы, составляющий почти 13% от численности всех переселенцев. Выделение этого клана стало возможно благодаря проведенному сопоставительному перекрестному анализу БД «КМС», материалов Урало-Сибирского патерика и приложения к нему «Биографические справки», открытых источников, в частности сайта «Открытый список» (Открытый список).

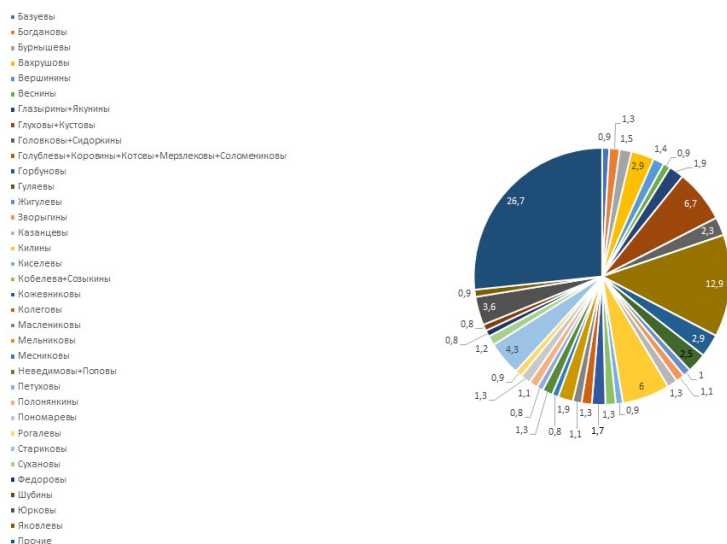

Рис. 7. Пофамильный состав и семейные кланы старообрядцев Луговатского сельсовета Енисейского района Красноярского края в 1920–1940 гг.

Подсчитано по: Ф. Р-153.

Оп. 2. Д. 31. 97 л.

Килины – еще один особый семейный клан, оставивший немало антропонимов на территории Томской области, Красноярского края, Кемеровской области. Именно на их примере В. Павловский описал процесс освоения долины Чичка-юла и дальнейшее их продвижение в бассейн «енисейского меридиана». Так, например, клан Килиных, согласно похозяйственной книге Луговатского сельсовета, включал семь семейных коллективов, большинство из которых представляли собой неразделенные и состояли как минимум из представителей трех поколений.

Как было сказано выше, в общем массиве преобладают простые семьи, состоящие, как правило из двух поколений линии «родители–дети». Изредка присутствовали и трехпоколенные отцовские коллективы сложного типа («деды–родители–дети»). Немало семей, состоящих только из мужа и детей или матери и детей. Очень часто отец не указан не потому, что его нет, а потому что он находится в скиту. Немало странноприимцев и поддерживающих скиты тем не менее указано в списках: Мальгин, Онисим Катаев, Иерон Потанин, Александр Голдобин.

При заселении района конфессиональная, клановая и территориальная общность оказывалась основной. Чужих людей здесь не было. Новые люди появлялись в районе благодаря связям с заимочниками, это были «свои» и знакомые люди, они уже были информированы об условиях проживания: «...они (новики) или были людьми, хорошо известными заимщикам, или это были “свои люди”, которым предлагалось приехать сюда на жительство, или же просто описывались здешние условия на случай, если бы явилась надобность переменить местожительство» (Приль 2001: 251).

Чаще всего переселение осуществлялось на заранее присмотренные места, к заимкам земляков или родственников. Возникали маленькие заимки и большие селения, которые располагались в укромных уголках, на изгибах рек, у озер, а также среди непроходимых болот. Переселенцам было сложно привыкать к новым жизненным условиям. Долгая и непростая дорога стоила немалого физического и морального напряжения.

Сибирские общины последователей старой веры во второй четверти XX в.

Важным фактором, подталкивавшим к переселению, являлось принятое духовными отцами о. Симеоном (Лаптевым) и о. Антонием (Людиновским) решение о перемещении скитов в бассейн Дубчеса. Наличие духовного центра, отцов, принимавших на исповедь, поддержка конфессиональной среды – все это немаловажные факторы, составлявшие твердых в религиозных убеждениях староверов решаться на переселение в Енисейский район – Кетско-Чулымское междуречье. Далее староверы перемещались вместе со скитами на север – в бассейн Сыма и Дубчеса. Многие старообрядцы, и молодые, и пожилые, уже на месте принимали решение уходить в скиты, как, например, Юркова (Сальникова в девичестве) Клавдия (Стороженко 2019; Любимова, Стороженко 2021).

Анализ БД «КМС» показал, что с 1921 по 1941 г. включительно на территорию Луговатского сельсовета Енисейского района Красноярского края переселилось как минимум 1 500 человек. Они расселились

в более чем 20 заимках и деревнях, часть из которых в недавнем прошлом были узловыми пунктами Обь-Енисейского канала и частично сохранили соответствующие названия – Александровский шлюз, Налимный шлюз, Георгиевский шлюз, 12-е плотбище. К началу 1940-х гг. на территории Луговатского сельсовета уже существовала густая сеть населенных пунктов. В 1944 г. было зафиксировано почти 30 различных по величине населенных пунктов. Выделяется несколько крупных деревень и даже сел, например Луговатка, Якша, Безымянка, Низ-Безымянка, Колегово, 12-е плотбище, Александровский шлюз, Сушники, Кельма, Колегово.

На первом этапе (с 1920 по 1925 г.) переселенцев было немного – 135 человек (см. рис. 3). Как первопроходцы фигурируют представители довольно известных старообрядческих фамилий Чепкасовых (Чепкасов Ксенофонт первым зарегистрирован в 1920 г. в дер. Кельма), Глуховых, Соломенниковых, Стариковых, Сидоркиных, Шубиных. При этом выделяется поселок Якша, куда переселилось почти 40 человек – семейные кланы Кустовых, Вахрушевых, Коровиных, Мерзлековых. Представители первых трех кланов были выходцами напрямую из Куединского района, составив почти четверть от общего количества. Отдельная группа представителей этих же фамилий (22 чел.) зафиксирована в источнике как переселенцы из Зачулымского и Ново-Кусковского районов современной Томской области.

Сопоставительный анализ семейно-родственных связей кланов Кустовых, Коровиных и Мерзлековых на основе БД позволяет предположить, что этот район мог быть для них транзитным наряду с Чаинским. Стоит отметить, что несколько семей Саниковых и Сидоркиных (16 чел.) из Колпашевского района вселились в дер. Колегово. Три семьи Килиных (26 чел.) также мигрировали из Маковского сельсовета Енисейского района в дер. Кельма. В целом в этот период доля зауральских переселенцев составила почти половину (48%) всех новых жителей будущего Луговатского сельсовета, видна преемственность на микроуровне внутри региональной миграции. При этом стоит отметить, что представители фамилий Кустовых, Глуховых, Коровиных, Шубиных сыграли в дальнейшем значительную роль в складывании конфессиональной сети Дубческих скитов.

На втором этапе (с 1926 по 1930 г.) резко возрастает интенсивность переселенческого потока (см. рис. 4). В девять деревень и заимок всего переселилось 589 человек, но большинство из них (252 чел.) выбрало село Безымянка (включая обозначенные в БД Н_Безымянка_1 и Н_Безымянка_2), а также Якшу (109 чел.), Сушники (77 чел.) и Луговатку (72 чел.). К упомянутым выше фамильным кланам продолжили активно присоединяться родственники, а также появились новые – Базуевы, Бурнышевы, Вершинины, Глазырины, Кожевниковы, Колеговы, Созыкины, Сахаровы, Юрковы, Якунины.

Общая представленность переселенцев в разрезе районов выхода уже более разнообразна, чем ранее, но наибольшее количество переселенцев (245 чел.) дали Ново-Кусковский, Зачулымский и Ксеньевский районы Сибирского края в совокупности, которые в это время подверглись взаимным переименованиям и укрупнению. Немало также переселившихся из Чаинского района. Доля выходцев из Куединского, Фокинского и Еловского районов Уральской области резко снижается – не более 60 человек за весь период, и это по-прежнему Коровины, Кустовы, а также Бурнышевы, Кувалдины, Килины, Окуловы, Рогалевы, Федоровы. Более разнообразно их представительство по сельсоветам выхода Аптугайский, Верхне-Дубовский, Больше-Дубовский, Больше-Кустовский, Дрехловский, Пильвенский, Ошвинский. В переселенческое движение попадают и новые сибирские районы – Суловский, Каргасокский, Парабельский, Краснознаменский, Сталинский. Примечательно, что большая часть мигрантов этого этапа – 444 чел. (75%) переселились в 1929 и 1930 гг. Это свидетельствует об очевидной переселенческой активности.

В целом за период с 1931 по 1935 г. наблюдается примерно то же общее количество переселенцев, что и на предыдущем этапе, всего 605 человек (см. рис. 5). При этом крупных кланов становится меньше, но явно выделяются кланы Коровиных, Вершининых, Килиных, Вахрушевых, Кожевниковых, Мельниковых. Наиболее крупной была родовая корпорация Килиных, насчитывающая 86 человек. Следует отметить, что среди переселенцев этого этапа более чем в два раза (140 чел.) возрастает число представителей зауральских территорий. По-прежнему большинство составляют выходцы из Куединского и Фокинского районов, которые представлены крупными кланами (например, Горбуновых, Глазыриных, Сухановых, Мещеряковых, Мушинкиных, Неведимовых). В целом пофамильный состав становится максимально разнообразным – более 50 фамилий.

К традиционным зауральским сельсоветам Фокинского района прибавляются Маракушинский, Михайловский, Степановский, а в Куединском районе – Лагинский сельсовет. Расширяется география внутрисибирских районов – Каратузский, Бакчарский, Бирилюсский, Хабаровский.

В период с 1936 по 1941 г. источники фиксируют минимальное количество переселенцев – всего 27 человек. Очевидно, это связано с изменением общественно-политических условий, развернувшимися в стране религиозными и политическими репрессиями, в том числе в отношении старообрядцев. Скорее всего, к этому моменту процесс переселения и формирования поселенческой структуры был в основном завершен.

Возможно, это косвенно свидетельствует о том, что уже были созданы условия для их прямого переселения напрямую в бассейн Енисея, минуя промежуточный этап продолжительного пребывания на территории современной Томской области. Ранее мигранты задерживались в этих населенных пунктах, нередко переезжая из одного в другой в поисках лучших условий, прежде чем переселиться в Луговатку. Конечно, порубежные, фронтирные разведки имели место быть, искали способы переселиться к своим всегда. Но сложившаяся на этом этапе к середине 1930-х гг. стабильная поселенческая структура, оказываемая широкая поддержка – как духовная, так и хозяйственная – со стороны одноверцев и родственников, очевидно, создавали уверенность в успехе переселения и подталкивали не бояться переселения на столь дальнее расстояние.

В целом за 20 лет изучаемого периода 15 деревень, входящих в состав 11 сельсоветов Куединского района Пермского края, стали местом прямого выхода для 150 переселенцев, вошедших в базу (рис. 8). При этом наибольшее количество пришлось на Большие-Кусты (23 чел.), Узяр (21 чел.), Шагирт (21 чел.), Верх-Уса (14 чел.), Кашка (12 чел.). Учитывая условность периодизации, стоит в общем процессе выделить период с 1929 по 1933 г. как наиболее интенсивный, когда из разных мест всего переселилось 975 человек. Это составило более 62% всех переселенцев.

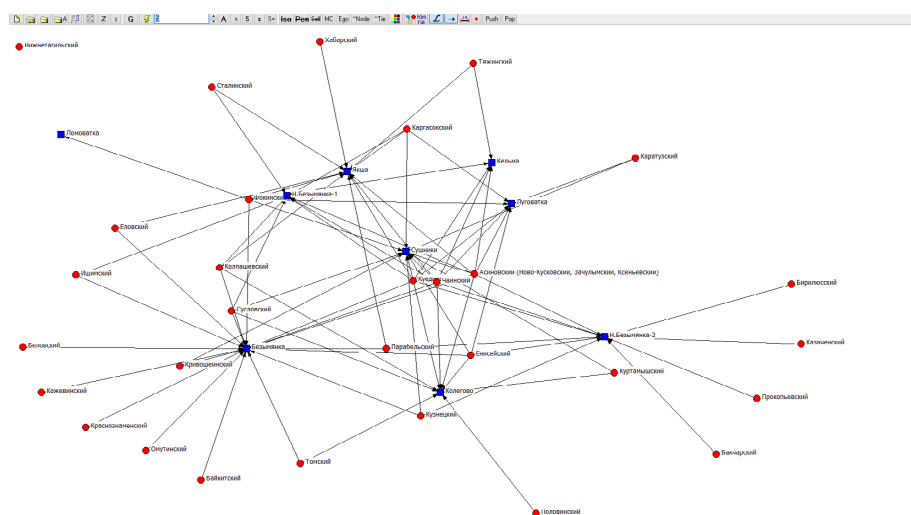

Рис. 8. Схема миграционных потоков старообрядцев в Луговатский сельсовет Енисейского района Красноярского края в 1920–1940-е гг.

В результате автоматизированного социально-сетевого анализа с помощью программы UCINET был выявлен достаточно плотный куст

населенных пунктов Луговатского сельсовета Енисейского района. На рис. 8 видно, что наибольшим индексом центральности как места вселения за исследуемый период обладают деревни Сушники, Безымянка, Низ-Безымянка-2 и Якша, которые стали местом вселения подавляющего большинства приходящего населения. Из зауральских наиболее часто как район выхода фигурирует Куединский район, а также два собственно сибирских – Чаинский и Асиновский (он же – Ново-Кусковский, Зачулымский, Ксеньевский), стоит также отметить Парабельский и Енисейский.

Заключение

Первостепенной причиной общественно-социального характера переселения старообрядческих общин с территории Пермско-Вятского Прикамья в Сибирь является то, что они пытались скрыться от преследования правительства и не желали вступать ни в какие «союзы» – колхозы, совхозы, артели. Малозаселенная территория Сибири являлась идеальным местом для старообрядческих скитов.

Переселение старOVERов-пермяков привело к социокультурной трансформации принимающих регионов – Томской области и Красноярского края. Старообрядчество во многом повлияло на складывание поселенческой структуры Сибири. Сформировалась целая сеть новых оседлых населенных пунктов, в которых старOVERы занимались преимущественно промыслами, охотой, животноводством, огородничеством и весьма ограниченно – земледелием. Благодаря непрерывной уже внутрирегиональной мобильности, старOVERами осваивались незаселенные участки таежной Сибири. Старообрядцы намеренно выбирали для заселения практически необитаемые территории, где не возникало бы конфликта интересов с местными.

Благодаря статистическому анализу данных похозяйственных книг установлен «социально-демографический портрет» старOVERа-переселенца из Пермско-Вятского края в Сибирь. В созданной в 1920–1950-х гг. единой конфессиональной сети, согласно которой выстраивались маршруты и стратегии перемещения человеческого ресурса, местами связей выступали отдельные семьи-роды старOVERов часовенного или титовского согласий. Обоснование многочисленных заимок и поселков шло на территории «енисейского меридиана» Красноярского края, однако уже на том этапе реальная география расселения была намного шире. Наблюдалась преемственность в социальном измерении – преимущественно в переселениях принимали участие крестьяне-единоличники.

Таежная Сибирь выступила своеобразным пространством освоения, на котором шло формирование специфического конфессиональ-

ного сообщества. Процессы адаптации совпали с одновременными процессами консервации предыдущего опыта. В основе подобной синхронности находилось осознание альтернативности социокультурной практики – сохранение мировоззрения и соответствующего духовно-семейного уклада в сочетании с гибкой мобильной системой приспособления в материальном мире. Основой этих процессов следует считать создание и функционирование скитов и монастырей, выступавших стержнем общественной организации староверов-часовенных.

На месте вселения в Красноярском крае староверы-пермяки были ориентированы на дальнейшее переселение в духовные центры последователей часовенного согласия – Дубчесские монастыри, расположенные севернее в Вороговском сельсовете. Выходцы из Пермской области составили значительную часть насельников дубчесских монастырей, переживших их разгром карательными отрядами КГБ в 1951 г. Освобожденные от суда и следствия рядовые обитатели скитов и монастырей расселились по всему «енисейскому меридиану», двинувшись в 1951–1955 гг. преимущественно в южные районы Красноярского края, Приангарье и Туву (Стороженко 2019).

Во второй четверти XX в. миграционное движение конфессиональных переселенцев из Пермского края/Молотовской области в Сибирь привело к существенной трансформации поселенческой структуры сибирской глубинки, изменению ее конфессионального ландшафта, в результате образования влиятельных духовных центров началось хозяйственное освоение прежде малозаселенных территорий долины среднего Енисея.

Таким образом, обработка регионального корпуса сведений позволяет уточнить географию и маршруты перемещений староверов из Приуралья в Сибирь. Применение сетевого анализа способствовало выявлению конкретно-исторических моделей таких перемещений, а также раскрыть их историко-антропологические обстоятельства (демографические и социальные свойства группы конфессиональных мигрантов). Все это в целом позволяет характеризовать традиционалистское общество в процессе мобильности.

Примечания

¹ Союзы – всевозможные формы объединения общественного: артели, колхозы, совхозы, промхозы, кооперативы.

² Заимочный район – условное название территории современной Томской области, расположенной в междуречье рек Чичка-юл и Улу-юл, вдоль течения которых находятся заимки и деревни часовенных.

Список источников

- Бородин Л.И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: специфика предметной области // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 7–8.
- Бородин Л.И., Максимов С.В. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX в. (макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
- Ганчев О.І. Демографічні трансформації болгарської спільноти Південної Бессарабії (XIX – початок ХХІ ст.). Одеса: Сімекс-Прінт, 2020.
- Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 149. Павловский В. О путешествии в северные районы края, граничащие с Томской областью. 65 л.
- Дутчак Е.Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) // Вестник РУДН. Серия История России. 2006. № 1 (6). С. 81–84.
- Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало ХХІ в.). Томск: Изд-во Томского университета, 2007.
- Енисейский районный архив. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 31 «Похожайственная книга (посемейный список). 1933 г., 1940–1942 гг.». 97 л.
- Зольникова Н.Д. Авторы Урало-Сибирского патерика // Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1, т. 2. С. 349–403.
- Липтев С.С. (о. Симеон). На союзы // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / подг. Н.Н. Покровским, Н.С. Гурьяновой, Н.Д. Зольниковой и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 165–169.
- Любимова Г.В., Стороженко А.А. Траектория жизненного пути в этнокультурном ландшафте енисейских старообрядцев (материалы к биографии К.И. Юрковой) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 75–89.
- Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Массовые источники по истории крестьянской семьи // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Мазур. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 304–321.
- Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki/>
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002.
- Пригарин А.А., Стороженко А.А., Татаринцева М.П. Актуальное конфессиональное письмо: между историографией и биографией (предварительные замечания к рукописи «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев») // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 180–200.
- Приль Л.Н. Староверы Причулымья: факторы освоения территории // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: материалы XII археолого-этнографического совещания. 4–6 апреля 2001 года. Томск, 2001. С. 183–185.
- Приль Л.Н. Из земли Пермской в Сибирь с идеей самодостаточности // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: материалы науч. конф. / гл. ред. Н.М. Чагин. Пермь: Пермский государственный университет, 2002. С. 248–257.
- Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало ХХІ века) / Е.Ф. Фурсова, А.Б. Пермиловская, А.В. Черных и др. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014.
- Скворцова Е.М. Похожайственные книги сельсоветов 30-х годов XX в. // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 119–133.

- Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929.
- Стороженко А.А. Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 4–15.
- Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1, т. 1–2.
- White D., Johansen U. Network analysis and ethnographic problems: process models of a Turkish nomad clan. Lexington books, 2005.

References

- Borodkin L.I. (2016) Setevoi analiz v istoricheskikh issledovaniakh: spetsifika predmetnoi oblasti [Network Analysis in Historical Research: Specificity of the Subject Area], *Informatsionnyi biulleten' Assotsiatsii «Istoriia i komp'iuter»*, no. 45, pp. 7–8.
- Borodkin L.I., Maksimov S.V. (1993) Krest'ianskie migratsii v Rossii/SSSR v pervoi chetverti KhX v. (makroanaliz struktury migratsionnykh potokov) [Peasant Migrations in Russia/USSR in the First Quarter of the 20th century (Macroanalysis of the Structure of Migration Flows)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 5, pp. 124–143.
- Ganchev O.I. (2020) *Demografichni transformatsii bolgars'koï spil'noti Pivdennoi Bessarabii (XIX – pochatok XXI st.)* [Demographic transformations of the Bulgarian community of South Bessarabia (19th – beginning of 21st centuries)]. Odessa: Simeks-Print.
- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiar'skogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Region]. F. R-1380. Op. 3. D. 149. Pavlovskii V. O puteshestvii v severnye raiony kraia, granichashchie s Tomskoi oblast'iu. 651.
- Dutchak E.E. (2006) Put' v Belovod'e (k voprosu o sovremennykh vozmozhnostiakh i perspektivakh izucheniia konfessional'nykh migratsii) [The Road to the White Water (The Modern Possibilities and Perspectives of Studying the Confessional Migrations)], *Vestnik RUDN. Seriya Istoriia Rossii*, no. 1(6), pp. 81–84.
- Dutchak E.E. (2007) Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraiia polovina XIX – nachalo XXI v.) [From “Babylon” to “Belovodye”: adaptation possibilities of taiga communities of Old Believers-strangers (second half of the 19th – beginning of the 21st century)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Eniseiskii raionnyi arkhiv [Yeniseisk Regional Archive]. F. R-153, op. 2, d. 31 «Pokhoziaistvennaia kniga (posemeinyi spisok). 1933 g., 1940–1942 gg.», 971.
- Zol'nikova N.D. (2014) Avtory Uralo-Sibirskogo paterika [Authors of the Ural-Siberian Patericon]. In: *Uralo-Sibirskii paterik: teksty i kommentarii: v 3 t.* [Ural-Siberian Patericon: Texts and Comments. In 3 volumes]. Ed. by N.N. Pokrovskiy. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. Book 1, Vol. 2, pp. 349–403.
- Lapteva S.S. (o. Simeon). (1999) Na soiuzy [For Unions]. In: *Dukhovnaia literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual literature of the Old Believers of the East of Russia in the 18th–20th centuries]. Ed. by N.N. Pokrovskiy, N.S. Gur'ianova, N.D. Zol'nikova et al. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, pp. 165–169.
- Liubimova G.V., Storozhenko A.A. (2021) Traektorii zhiznennogo puti v etnokul'turnom landshafte eniseiskikh staroobriadtsev (materialy k biografii K.I. Iurkovoï) [Trajectories of a Life Journey in Ethnocultural Landscape of the Yenisei Old Believers: Notes to the Biography of K.I. Yurkova], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3, pp. 75–89.
- Mazur L.N., Gorbachev O.V. (2018) Massovyie istochniki po istorii krest'ianskoi sem'i [Mass Sources on the History of a Peasant Family.]. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost': sb. nauch. tr.* [Document. Archive. Story. Modernity: A Collection of Scientific Papers]. Ed. by L.N. Mazur. Is. 18. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 304–321.

- Otkrytyi spisok* [Open List]. Available at: <https://ru.openlist.wiki/>
- Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia* [Old Believers-Chapels in Eastern Russia in the 18th–20th Centuries: Problems of Creativity and Public Conscience]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Prigarin A.A., Storozhenko A.A., Tatarintseva M.P. (2020) Aktual'noe konfessional'noe pis'mo: mezhdru istoriografiei i biografiei (predvaritel'nye zamechaniia k rukopisi «Zapovednaia vera. Kniga zhitia i stradanii symskikh staroobriadtsev») [Contemporary Confessional Writing Between Historiography and Biography (Preliminary Notes on the Manuscript “Sacred Faith. The Book of Life and Sufferings of the Old Believers of Sym”)], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 4, pp. 180–200.
- Pril' L.N. (2001) Starovery Prichulym'ia: faktory osvoeniia territorii [Old Believers of the Chulym Region: Factors of Territorial Development]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Materialy XII arkhologo-etnograficheskogo soveshchaniia. 4-6 aprelia 2001 goda* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Materials of the XII Archaeological and Ethnographic Conference. April 4-6, 2001]. Tomsk, pp. 183–185.
- Pril' L.N. (2002) Iz zemli Permskoi v Sibir' s idei samodostatochnosti [From the Land of Perm to Siberia with the Idea of Self-sufficiency]. In: *Staroobriadcheskii mir Volgo – Kam'ia: Problemy kompleksnogo izucheniia: materialy nauchnoi konferentsii* [The Old Believer World of the Volga-Kamya: Problems of Comprehensive Study: Proceedings of the Scientific Conference]. Ed. by N.M. Chagin. Perm': Permskii gosudarstvennyi universitet, pp. 248–257.
- Sibir' i Russkii Sever: problemy migratsii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii (XVII – nachalo XXI veka)* [Siberia and the Russian North: Problems of Migration and Ethnocultural Interactions (17th – early 21st century)]. E.F. Fursova, A.B. Permilovskaia, A.V. Chernykh et al. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2014.
- Skvortsova E.M. (1985) Pokhoziaistvennye knigi sel'sovetov 30-kh godov XX v. [Household books of the village councils of the 1930s]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie problemy istorii narodov SSSR* [Socio-economic and Political Problems of the History of the Peoples of the USSR]. Moscow, pp. 119–133.
- Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraia. Tom vtoroi. Okrug Severo-Vostochnoi Sibiri* [List of Inhabited Places of the Siberian Region. Volume Two. Districts of North-Eastern Siberia]. Novosibirsk, 1929.
- Storozhenko A.A. (2019) Staroobriadcheskie monastyri «eniseiskogo meridiana» v XX veke: istoki, traditsii i sovremennoe sostoianie [Old Belief Monasteries of the “Yenisei Meridian” in the 20th Century: Origins, Traditions and Current State], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1, pp. 4–15.
- Uralo-Sibirskii paterik: teksty i kommentarii: v 3 t.* [Ural-Siberian Patericon: Texts and Comments: in 3 volumes.]. Ed. by N.N. Pokrovskii. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. Kn. 1. T. 1–2. 2014.
- White D. & Johansen U. (2005) *Network analysis and ethnographic problems: process models of a Turkish nomad clan*. Lexington books.

Сведения об авторах:

ПРИГАРИН Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия). E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

СТОРОЖЕНКО Алена Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Тувинский государственный университет (Кызыл, Россия). E-mail: alstorozhenko@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aleksandr A. Prigarin, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Alyona A. Storozhenko, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: alstorozhenko@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 июля 2022 г.;
принята к публикации 27 ноября 2022 г.*

*The article was submitted 18.07.2022;
accepted for publication 27.11.2022.*